

ЕИ ПОВЕЗЛО. В самом начале творческого пути, едва переступив порог Харьковского драматического театра, она встречает двух больших художников, сразу разгадавших незаурядную актерскую одаренность молодой девушки. Во главе этого театра стоял крупнейший режиссер и педагог Н. Синельников, а музыкальную часть возглавлял молодой музыкант, выпускник Харьковской консерватории И. Дунаевский — ее первый аккомпаниатор.

Чтобы полнее представить, какую большую школу прошла Клавдия Ивановна Шульженко в Харьковском драматическом театре, я приведу здесь воспоминания известного актера московской сцены Михаила Михайловича Тарханова о своем учителе: «Какой это был чудесный воспитатель молодежи и культурный режиссер. Его деятельность — славная страница в истории русского театра, страница яркая, незабываемая. Николай Николаевич умел подбирать замечательных актеров, и после него для них были всюду открыты дороги. В своих прогнозах об актерских дарованиях Синельников никогда не ошибался».

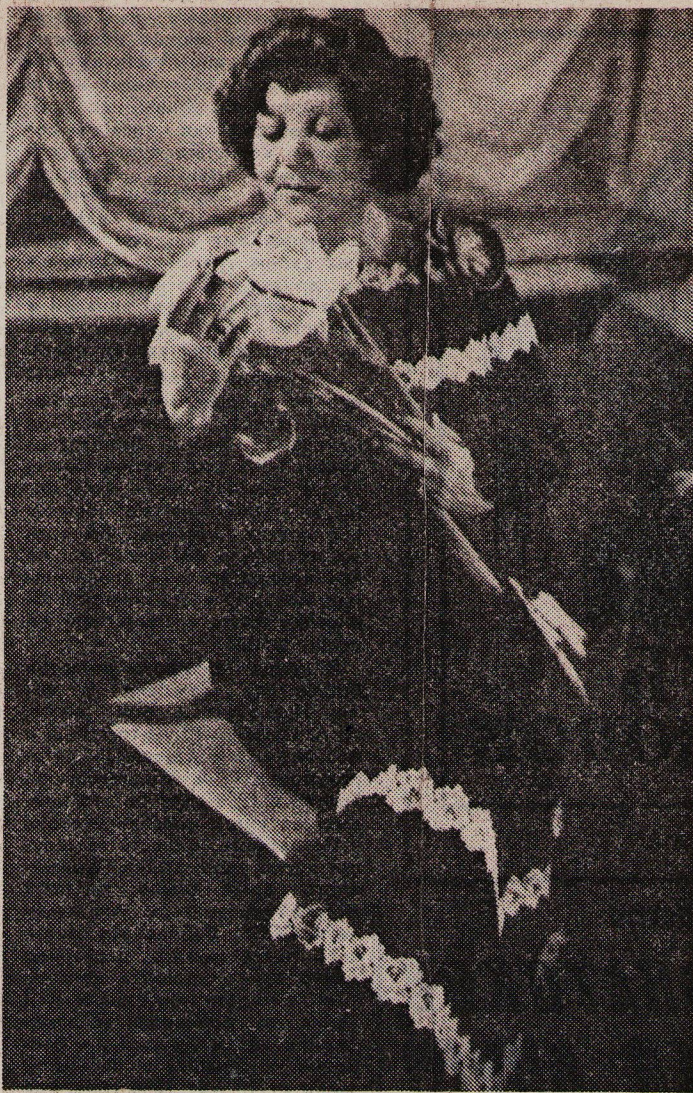
«Ты должна играть песню, играть, как играют спектакль, и притом одна исполнять в нем все роли», — говорил знаменитый режиссер своей ученице. Параллельно шли серьезные занятия вокалом с профессором консерватории Николаем Леонтьевичем Чemezовым, который учил Клавдию Ивановну мастерству музыкального мышления. И, может быть, немногие знают, что первый, по-настоящему сценический дебют Клавдии Шульженко был вовсе не певческим. В свои семнадцать лет она сыграла труднейшую роль Абилай в спектакле харьковского театра «Стакан воды» Скриба. Вместе с ней, как вспоминает Клавдия Ивановна, в тот памятный вечер выступали знаменитые актеры «Великого немого» В. Максимов и В. Юренева... Такими были ее учителя, ее наставники.

Как в этом сравнительно небольшом очерке рассказать о творческом и жизненном пути большой артистки, блистательной певицы, являющейся гордостью советской эстрады? Для советских людей она не просто народная артистка Советского Союза. С ее именем связаны песенная биография нескольких поколений страны, тепло и уют нашего дома.

Клавдия Ивановна Шульженко — ее искусство стоит вне течений, вне моды. Оно непреходящее, ибо корни его уходят в самую глубину народной души, оно гражданственно, гуманно, оно адресовано каждому из нас лично. Она неповторима, ее голос мы узнаем из тысяч.

Спето огромное количество песен самых разных жанров, стилей и сюжетов, «пройденны» тысячи верст по афишам и рекламным стендам, «провернуты» бесчисленные километры радиозвучаний и кинодублей — сколько думалось, работалось, искалось. «Тихо! Микрофон включен». «Внимание, мотор!» Кадры, кадры, кадры... Мелькают цифры лет, буквы слов, крутятся-вертятся черные диски пластинок. Песни, песни, песни... Двадцатые годы, тридцатые, сороковые...

Я помню, как нелегкой зимой сорок второго года в глухой деревушке на Волге под Горьким в старой полуразрушенной церкви, отве-

люди искусства

ЖИЗНЬ В ПЕСНЕ

Елизавета ОГОНЬКОВА

денной под клуб, мы смотрели кинофильм «Концерт фронту», и женщины плакали, когда зазвучал знакомый «Синий платочек», который здесь был так же необходим, как кусок хлеба в Ленинграде.

«Свой парень» — рядовой Красной Армии Клавдия Шульженко скромно выполняла ратный и гражданский долг перед Родиной. Нет, она не ходила в серой шинели и зеленой гимнастерке — она была в тех же мирных платьях, своих артистических платьях довоенного покроя, сменив сцену на кузов грузовика. Фронтной ансамбля. Ленинградский и Волховский фронты, 500 концертов в блокадном Ленинграде, ленинградская Дорога жизни... Вот он, бесценный маленький серебристый значок с надписью: «Участнику Дороги жизни». Клавдия Шульженко — одна из немногих, удостоенных высокой чести носить этот поистине легендарный значок.

С песней Шульженко шагала всю войну до самого светлого праздника Победы.

«Я спешу, извините меня...» — эти всем известные слова популярной песни Я. Френкеля на стихи К. Ваншенкина могли бы послужить эпиграфом к творческой биографии Шульженко.

И вот уже в наши дни, совсем недавно: «Я спешу, извините меня...» — уже в ко-

торый раз я слышу по телефону знакомый рефрен. И я не обижаюсь, я понимаю — опять некогда, опять занятия, репетиции, гастролы... В этом суть артистки: вечное движение, непрестанный поиск. Но мы все-таки встретились, где-то на полпути между гастролями — певицу ждали в Ленинграде.

Пятдесят лет на сцене, свыше пятнадцати тысяч концертов — право же, не каждому отпущено сил на такое подвижничество во имя искусства. Как передать то большое волнение, которое я испытывала, находясь в квартире известной артистки! Вот она здесь, совсем рядом — улыбающаяся, уютно устроившаяся в кресле напротив. Я вижу ее руки — они по-прежнему красивы. Со стены из далеких сороковых годов на нас смотрит другая Шульженко. Ее необыкновенно воздушному белому платью тесно в огромной раме, и оно, кажется, вот-вот влетит в комнату. Всюду букеты живых цветов, самых разных. Я долго смотрю на сидящую напротив, вполне сегодняшнюю певицу, и в мыслях невольно рождается диалог двух знаменитых женщин — Любови Орловой: «Чтобы быть женственной, надо быть мужественной» и Клавдии Шульженко: «Да просто надо не стареть! И в этом весь секрет».

Интервью как интервью: вопрос — ответ, снова воп-

рос. А что если без вопросов, просто размышление?

Где-то, совсем близко, звучит песня. Она врывается к нам свежим ветром и, обладая поистине волшебной силой, заставляет остановиться...

Остановись — тебе совсем не поздно.

Куда б ни торопились ты.

«Остановись!» — как нельзя вовремя звучит этот тревожный и предупреждающий призыв. Для обозначения стремительных «стерео»-ритмов уже не хватает привычных терминов, и только истари простое слово «любовь» звучит все так же неизменно. Да, есть у нас Клавдия Шульженко, подарившая своему народу свой гимн любви — «Синий платочек». А ее «Руки»... Они коснулись когда-то каждого из нас. Мы не уставали «перечитывать» ее «Старые письма», а «наивный мир наивных лет» ее милой «Записки» наполнял наши бестелевизионные вечера первых послевоенных лет ярким светом мирных надежд. Потом придут новые песни, и они будут принадлежать новому поколению. И однажды вдруг снова случится незабываемое: зазвучат шульженковские «Три вальса».

Веселая и грустная, сильная и слабая, возвышенная и земная, величественная и смешная, но всегда влюбленная в жизнь и любимая ею — такова эта женщина, которую знают миллионы людей.

Многогранный талант Шульженко вывел ее далеко за пределы жанра. Каждый концерт певицы — это моноспектакль большой драматической силы. Ее песенная жизнь — огромный мир реальных и причудливых образов и характеров. Особая выразительность эмоций, дар ассоциативного прочтения песенной драматургии, безукоризненная легкость импровизации позволяют Клавдии Ивановне проникать в самые сокровенные душевные тайники ее слушателей. Искусство Шульженко — это своеобразная энциклопедия человеческих чувств, написанная талантом певицы в соавторстве с правдой и простотой.

— Знаете, — говорит Клавдия Ивановна, — мне нравятся жизненное кредо Пабла Казальса, оно звучит как исповедь: «Каждый день я рождаюсь заново. Каждый день я должен начинать сначала»...

Совсем недавно Клавдия Шульженко дала жизнь еще одной, совсем новой песне композитора С. Каменского. Эту работу певица посвятила памяти любимого писателя, замечательного актера и человека Василия Шукшина. Песня называется «Размышление». Растаяли, словно капли дождя, последние звуки рояля, повисли в воображении гроздь калины красной, и, как бы подытоживая свои размышления, певица уже совсем шепотом повторяет последние строчки песни: «Я когда-нибудь оставлю все дела и куплю билет до дальнего села»...

Нет, не оставит «всех дел» народная артистка СССР Клавдия Шульженко — кавалер ордена Ленина, ордена Красной Звезды и ордена Трудового Красного Знамени. А если и купит билет «до дальнего села», то поедет туда непременно с гастролями, чтобы снова петь и петь для России.

● Народная артистка СССР К. Шульженко.